

Сомерсет
МОЭМ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
КАНИКУЛЫ

Сомерсет Моэм

Рождественские каникулы

«ФТМ»

«АСТ»

1939

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Моэм С.

Рождественские каникулы / С. Моэм — «ФТМ», «АСТ», 1939

ISBN 978-5-17-065473-4

Короткая связь богатого английского наследника и русской эмигрантки, вынужденной сделаться «ночной бабочкой»... Это кажется банальным... но только на первый взгляд. Потому что молодой англичанин безмерно далек от жажды поразвлечься, а его случайная приятельница – от желания очистить его карманы. В сущности, оба они хотят лишь одного – понимания... Так начинается один из самых необычных романов Моэма – история страстной, трагической, всепрощающей любви, загадочного преступления, крушения иллюзий и бесконечного человеческого одиночества...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-065473-4

© Моэм С., 1939
© ФТМ, 1939
© АСТ, 1939

Содержание

1	6
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сомерсет Моэм

Рождественские каникулы

© The Royal Literary Fund, 1939

© Перевод. Р. Облонская, 2010

© AST Publishers, 2010

* * *

1

Чарли Мейсону предстояла поездка, и мать уговаривала его как следует позавтракать, но слишком он был взволнован, какая уж тут еда. Был канун Рождества, и он ехал в Париж. К дню квартальных платежей им с отцом пришлось проделать уйму работы, и сегодня, когда отцу не было надобности идти в контору, он повез Чарли на вокзал Виктории. Уличная пробка на несколько минут задержала их у Гросвенор-Гарденс, и, опасаясь, как бы не опоздать на поезд, Чарли даже побледнел от тревоги. Отец посмеивался.

– У тебя еще добрых двадцать минут.

Но Чарли успокоился, только когда они приехали.

– Ну, счастливо, мой мальчик, – сказал отец. – Повеселись в свое удовольствие, да смотри не слишком проказничай.

Пароход, пятясь, кормой вперед вошел в гавань, и при виде высоких, серых, закопченных домов Кале Чарли возликовал. День был сырой, дул пронзительный ветер. Он шагал по перрону, будто по воздуху. «Золотая стрела», могучий, роскошный и величественный экспресс, который его поджидал, был не просто поездом, но романтическим символом. Пока не стемнело, Чарли смотрел в окно и про себя радостно смеялся – перед ним проносились картины, которые он уже видел в картинных галереях: песчаные дюны с лоскутами серой под свинцовым небом травы, селения, где жались друг к другу домишки бедняков под шиферными крышами, а потом широкие печальные просторы вспаханных полей и кое-где обнаженные деревья; но день, казалось, спешил покинуть эту безрадостную сцену, и вскоре, посмотрев в окно, Чарли только и увидел, что собственное отражение, а за ним полированное красное дерево пульмановского вагона. Он пожалел, что не полетел самолетом. Он хотел лететь, но мать решительно воспротивилась, убедила отца, что среди зимы это безрассудно и опасно, и отец, всегда такой здравомыслящий, на сей раз поставил условие, что увеселительная поездка состоится, только если сын отправится поездом.

Чарли, разумеется, уже бывал в Париже, раз пять-шесть, не меньше, но впервые ехал туда один. Поездка эта – подарок отца, и на то была особая причина: Чарли проработал год в отцовской конторе, сдал необходимые экзамены и мог теперь с успехом следовать по избранной стезе. Сколько он помнил, отец, мать, сестра Пэтси и он сам всегда проводили Рождество у родных, Терри-Мейсонов, в Годэлминге; и чтобы объяснить, почему однажды вечером, обговорив все с женой, Лесли Мейсон, с улыбкой на добром лице, спросил сына, не хочет ли он вместо того, чтобы как обычно ехать с ним в Годэлминг, провести самостоятельно несколько дней в Париже, надо немного вернуться назад. Да, надо вернуться в середину девятнадцатого века, когда некто Сайберт Мейсон, человек работающий и толковый, старший садовник в большом имении в Сассексе, женился на кухарке, купил на свои и ее сбережения несколько акров земли севернее Лондона и стал выращивать овощи на продажу. Хотя ему было уже сорок и жене немногим меньше, они произвели на свет восемь детей. Мейсон преуспевал и на выручаемые деньги прикупал небольшие участки все еще свободных окрестных земель. Город разрастался, и огород приобрел ценность как место под застройку; заняв в банке деньги, Мейсон возвел целую улицу особнячков и в скором времени все их сдал в аренду. Подробно рассказывать о том, как успешно шли его дела, было бы скучно, довольно сказать, что, когда он умер в возрасте восьмидесяти четырех лет, та земля, которую он в свое время купил, чтобы выращивать овощи и продавать их на Ковентгарденском рынке, и участки, которые он неизменно приобретал при всякой возможности, отданы были под кирпич и известковый раствор. Сайберт Мейсон позаботился, чтобы его дети получили образование, в котором ему самому было отказано. Они поднимались по общественной лестнице. Он же преобразовал Владение Мейсона, как он, пожалуй, чересчур пышно его именовал, в Частную компанию, и после его смерти

каждый из детей получил в наследство свою долю акций. Владение Мейсона отлично управлялось, и хотя ему не сравниться было ни с Вестминстерским, ни с Портсменским владением, ибо местоположение его было скромное и жить здесь давно уже не считалось почетным, но лавки, склады, фабрики, трущобы, длинные ряды закопченных двухэтажных домов приносили его владельцам довольно прибыли и позволяли, не прилагая особых усилий, жить как подобает джентльменам и леди, каковыми они теперь стали. И в самом деле, глава семьи, единственный оставшийся в живых сын старшего сына старого Сайберта, – брат его погиб на войне, а сестра упала с лошади во время охоты и разбилась насмерть, – был очень богат. Был он членом парламента и во время пятидесятилетнего юбилея короля Георга Пятого получил титул баронета. Он присоединил к своей фамилии фамилию жены и отныне звался сэром Уилфридом Терри-Мейсоном. Семья надеялась, что его неколебимая преданность партии тори и верное место в парламенте принесут ему в конце концов титул пэра.

Лесли Мейсона, младшего из многочисленных внуков Сайберта, послали учиться в закрытую частную школу для мальчиков, а потом и в Кембриджский университет. Его доля в компании приносила ему две тысячи фунтов стерлингов в год, и к этому прибавилась еще тысяча, которую он получал как секретарь Компании. Раз в год созывалось собрание под председательством сэра Уилфрида, – на нем присутствовали те члены семьи, которые оказывались в Англии, ибо кое-кто из третьего поколения служил своему отечеству в отдаленных пределах Империи, а кое-кто жил в праздности и часто проводил время за границей, – и Лесли читал в высшей степени благополучный отчет, составленный многоопытными бухгалтерами.

Лесли Мейсон был человеком весьма разнообразных интересов. Сейчас ему пятьдесят с небольшим, у него приятная наружность, он высокий, хорошо сложен, голубые глаза, красиво седеющие, довольно длинные волосы и яркий румянец. Он похож скорее на солдата или на приехавшего домой в отпуск губернатора какой-либо колонии, чем на комиссионера по продаже и сдаче внаем домов, и, глядя на него, никогда не скажешь, что его дед был садовником, а бабка – кухаркой. Он хорошо играет в гольф, на что не жалеет времени, и хорошо стреляет. Но Лесли Мейсон занимается не только гольфом и охотой, он еще и живо интересуется искусством. У остальных членов семьи никаких таких причуд не было, и они относились к склонностям Лесли со снисходительной улыбкой, но когда по той или иной причине кто-нибудь из них хотел купить мебель или картину, они спрашивали совета у Лесли и следовали ему. Вполне естественно, что Лесли разбирался в этих делах, ведь он женился на дочери художника. Джон Перон, отец его жены, художник, многие годы, между восьмидесятыми и концом века, был членом Королевской академии, заработал немалые деньги тем, что писал молодых женщин в костюмах восемнадцатого века, флиртующих с соответственно одетыми молодыми людьми. Он писал их в садах, среди цветов, которые сажали в те поры, в заплетенных листвою беседках и в гостиных, вполне правильно обставленных столами и стульями того периода. Но теперь, если его картины попадали на аукцион Кристи, они шли по тридцать шиллингов, от силы по два фунта. После смерти отца Винитии Мейсон досталось множество его картин, но они давно уже пылились в кладовке, лицом к стене, ибо по нынешним временам даже дочерняя любовь не могла помешать ей считать их никудышными. Чета Мейсонов нисколько не стыдилась того, что бабка Лесли была кухаркой, в дружеском кругу они склонны были шутить над этим, а вот о Джоне Пероне им упоминать было неловко. Кое у кого из родственников Лесли Мейсона до сих пор висели его картины; Винитию это унижало.

– Я вижу, у вас там еще висит картина отца, – говорила она. – Вам не кажется, что она изрядно устарела? Почему бы вам не поместить ее в одну из свободных комнат?

– Мой тесть был прелестный человек, – говорил Лесли. – И манеры у него были прекрасные, но, боюсь, художник он был неважный.

– Видишь ли, мой папаша выложил за нее кругленькую сумму. Было бы нелепо вешать в запасной спальне картину, которая стоила триста фунтов, но, знаешь, если такое к ней твое отношение, я продам ее тебе за сто пятьдесят.

Ибо хотя за три поколения Мейсоны и превратились в леди и джентльменов, деловую хватку они не утратили.

За время брака художественный вкус четы Мейсонов весьма заметно изоширился, и на стенах их нового красивого дома на Порчестер-Клоуз висели картины Уилсона Стира и Огастеса Джона, Дункана Гранта и Ванессы Белл. Были у них и Утрилло, и Виллар, купленные, когда картины обоих мастеров еще продавались за умеренную цену, были и Дерен, и Марке, и Кирико. Стоило войти в их дом, ничуть не загроможденный мебелью, и сразу становилось ясно – они не отстают от жизни. Они старались не пропускать недоступные широкой публике закрытые выставки, а бывая в Париже, не упускали случая посетить галерею Розенберга и торговцев картинами на рю де Сен, чтобы взглянуть, что же здесь предлагают; они вправду любили картины, и если не покупали их до того, как нынешние знатоки сходились во мнении, что полотно заслуживает внимания, то отчасти из-за скромности и неуверенности в собственном суждении, а отчасти из-за опасения невыгодно вложить деньги. Ведь картины Джона Перона в свое время хвалили известнейшие критики и за каждую ему платили по несколько сот фунтов, а теперь сколько они стоят? Два-три фунта. Поневоле станешь осторожен. Но чету Мейсонов интересовала не одна только живопись. Они любили музыку, всю зиму посещали симфонические концерты, у них были любимые дирижеры, и никакие светские обязанности не заставили бы супругов пропустить их выступления. Раз в году они непременно слушали «Кольцо Нибелунгов». Обоим музыка доставляла истинное наслаждение. Они знали в ней толк и обладали хорошим вкусом. Они неизменно бывали на театральных премьерах и входили в общества, что ставят пьесы, которые считаются недоступными пониманию широкой публики. Они сразу же прочитывали книги, о которых говорят. И не только потому, что им это нравилось, но и потому, что надо же идти в ногу со временем. Они искренне интересовались искусством, и малейшая попытка посмеяться над ними оттого, что им не доставало смелости, а их оценкам оригинальности, была бы несправедлива. Возможно, суждения их были традиционны, но то была традиционность высочайшей культуры их времени. Сами они неспособны были совершить открытие, зато живо откликались на открытия других. Предоставленные самим себе, они вряд ли особенно восхитились бы Сезанном, но едва им стало ясно, что он великий художник, и они со всей искренностью это признали. Своим вкусом они не гордились, и в их отношении к искусству не было ни тени снобизма.

– Мы просто самая заурядная публика, – говорила Винития.

– Как раз та, которую презирает художник, но которая знает, что ей нравится, – прибавлял Лесли.

По счастью и чистой случайности Дебюсси им нравился больше, чем Артур Салливан, а Вирджиния Вулф больше, чем Джон Голсуорси.

Эта поглощенность искусством почти не оставляла времени для светских развлечений; они не искали общества лиц высокопоставленных или знаменитых, друзья их были очень милые люди, состоятельные, но вовсе не богачи, которых отличало умеренное пристрастие к пище духовной. Они не очень-то любили званые обеды, сами давали их изредка и ходили на них не чаще, чем того требовали приличия; но они любили угощать друзей ужином, когда те заглядывали к ним воскресным вечером, одетые как кому угодно, и с удовольствием ели кеджери¹ и сосиски с картофельным пюре. Гостей ждала хорошая музыка и приятная партия в бридж. И разумная беседа. Эти вечера отличались той же милой непритязательностью, как и сами супруги Мейсон, и хотя у всех гостей были собственные автомобили и лишь у немногих

¹ Блюдо из риса, стручковых овощей, лука и яиц.

меньше пяти тысяч годового дохода, они льстили себя надеждой, что на их вечерах царил дух богемы.

Но счастливей всего Лесли Мейсон бывал, когда не надо было идти ни на концерт, ни на премьеру и можно было провести вечер в лоне семьи. С браком ему повезло. Жена его в молодости была хороша собой и сейчас, в зрелом возрасте, не утратила своей привлекательности. Была она почти такая же высокая, как он, глаза голубые, проседь в каштановых волосах пока еще не заметна. Склонная к полноте, она при своем росте носила ее с достоинством, а строгая диета помогала ей поддерживать форму, так что полнота ее не портила. Лицо у нее было открытое, высокий лоб и застенчивая улыбка. Одевалась она в Париже, правда, не у модных портних, а все-таки у мастерицы почти первоклассной, но, однако же, в ней всегда можно было признать англичанку. Она как бы подчиняла себе любой наряд, и если иной раз позволяла себе роскошь купить шляпу от Ребу, на ней эта шляпа казалась купленной в английском универмаге. По миссис Мейсон сразу видно было, что она женщина добропорядочная, интеллигентная и притом обеспеченная. Она вышла замуж по любви и до сих пор любила мужа. Их связывали еще и общие интересы, и неудивительно, что жили они в полном согласии. С самого начала было решено, что из них двоих она лучше разбирается в живописи, а он в музыке, и они доверяли суждениям друг друга. Когда заходил разговор, к примеру, о последней работе Пикассо, Лесли говорил:

– Что ж, сказать по совести, мне она не сразу пришлась по вкусу, а вот Винития ни минуты не сомневалась; при ее чутье она мигом оценила картину.

А миссис Мейсон признавалась, что прежде, чем по-настоящему понять утверждение мужа, будто Вторая симфония Сибелиуса на свой лад не хуже Бетховена, ей пришлось прослушать это произведение раза четыре.

– Но Лесли, разумеется, по-настоящему понимает музыку. По сравнению с ним я, можно сказать, профан.

Лесли и Винитии Мейсон повезло не только друг с другом, но и с детьми. Детей было двое, как раз столько, сколько нужно, ведь единственный ребенок может вырасти избалованным, а трое или четверо потребовали бы значительных расходов, так что уже невозможно было бы жить как хочется, не стесняя себя, и так обеспечить детей, чтобы не тревожиться за их будущее. К своим родительским обязанностям они отнеслись серьезно. Стены детской украсили не какими-нибудь глупыми картинками, предназначенными для детей, но репродукциями Ван Гога, Гогена и Мари Лорансен, чтобы с ранних лет у детей формировался вкус; столь же заботливо подобрали пластинки для патефона в детской, так что ни сын, ни дочь еще и на велосипеде не умели кататься, а уже знакомы были с Моцартом и Гайдном, с Бетховеном и Вагнером. Едва они подросли, превосходные учителя стали их обучать игре на фортепьяно, и Чарли оказался особенно способным. Брат и сестра очень любили бывать на концертах. Они приходили на воскресный дневной концерт и слушали музыку с партитурой в руках или часами ждали места на галерке в «Ковент-Гардене», потому что родители не считали нужным покупать им дорогие билеты, полагая, что если готов слушать музыку без особых удобств, значит, ты истинный ее поклонник. Супруги Мейсон не очень жаловали старых мастеров и в Национальной галерее бывали редко, разве что газеты поднимут шум из-за какого-нибудь нового приобретения, однако они полагали, что детям необходимо знакомиться с великим искусством прошлого, и когда те подросли, постоянно водили их в Национальную галерею, но скоро поняли, что, если хотят их порадовать, надо повести их в галерею Тейта, и с удовольствием убедились, что по-настоящему детей волнует искусство самое современное.

– Поневоле задумаешься, когда видишь, что два таких юных существа чувствуют себя в стихии Матисса, как рыба в воде, – говорил Лесли Мейсон жене, и в его добрых глазах сияла гордая улыбка.

В ее ответном взгляде читались и усмешка, и печаль.

– Они считают меня ужасно старомодной, оттого что мне все еще нравится Моне. Они говорят, его картины будто с шоколадной коробки.

– Что ж, мы сами воспитывали их вкус. Не стоит ворчать, если они нас обогнали и оставили позади.

Винития мило и ласково засмеялась.

– Видит Бог, я нисколько на них не сержусь, пускай считают меня безнадежно старомодной. Что бы они ни говорили, все равно мне будут нравиться и Моне, и Мане, и Дега.

Но Мейсоны подумали не только о художественном образовании своих отпрысков. Они старались, чтобы те не выросли излишне чувствительными и достигли мастерства в спорте, в различных играх. Брат и сестра хорошо ездили верхом, и из Чарли получился совсем неплохой стрелок. Пэтси, которой исполнилось восемнадцать, училась в Королевской музыкальной академии. В мае она закончит курс, и тогда они устроят в ее честь бал в прекраснейшей гостинице «Кларидж». Леди Терри-Мейсон представит ее ко двору. Пэтси такая хорошенькая, голубоглазая, белокурая, стройненькая, веселая, с привлекательной улыбкой, ей, конечно же, обеспечен быстрый успех. Лесли хотел, чтобы она вышла за подающего надежды молодого адвоката, стремящегося сделать политическую карьеру. Столь утонченная и образованная девушка, да еще при деньгах, которые она со временем унаследует, Пэтси будет такому человеку замечательной женой. Но это означало бы конец дружной, уютной и счастливой жизни их семейства, какую они до сих пор наслаждаются. Конец приятнейшим вечерам, когда они обедают дома вчетвером в красиво обставленной столовой, где над чиппендейловским буфетом висит полотно Стира, за столом, сияющим уотерфордским стеклом и георгианским серебром, где прислуживают хорошо обученные служанки в ловко сидящих фирменных платьях; простые английские блюда прекрасно приготовлены; а после обеда, за которым не умолкает беседа об искусстве, литературе, театре, – стакан портвейна, и потом в гостиной немного музыки и партия в бридж. Винития боялась, что это с ее стороны чистейший эгоизм, а все же поневоле радовалась, что прежде, чем Чарли сможет позволить себе жениться, пройдет по крайней мере несколько лет.

Чарли родился во время войны, ему минуло двадцать три, и когда Лесли демобилизовался и поехал в Годэлминг к главе семьи, который был уже членом парламента, но имел еще только низшее дворянское звание, сэр Уилфрид посоветовал ему, когда придет время, отдать сына в Итон. Лесли и слышать об этом не хотел. И вовсе не из-за денег, которых бы это потребовало, – просто ему хватало здравого смысла не посылать мальчика в школу, где ему привьют экстравагантные вкусы и он наберется идей, никак не подходящих для предстоящей ему жизни.

– Сам я учился в Рагби, и, по-моему, для него будет лучше всего, если я пошлю его туда же.

– Я думаю, ты делаешь ошибку, Лесли. Своих я послал в Итон. Я, слава Богу, не сноб, но и не дурак, в обществе Итон ценят, тут спорить не приходится.

– Да, еще бы, но мое положение не чета твоему. Ты очень богат, Уилфрид, и если все пойдет хорошо, ты в конце концов попадешь в палату лордов. Ты совершенно прав, тебе, конечно, следует предоставить сыновьям те возможности, которые позволят им занять в обществе подобающее положение, а я, хоть и секретарь компании «Мейсонское владение», что звучит весьма солидно, когда дело доходит до монеты, оказывается, я всего-навсего агент по продаже недвижимости, и не желаю я воспитывать сына важным господином, пускай пойдет по моей дорожке.

Такие речи Лесли были невинной хитростью. По завещанию старого Сайберта и из-за несчастий, приключившихся с братом и сестрой Уилфрида, о чем было уже рассказано, ему теперь принадлежали три восьмых Компании, это принесло ему значительный капитал, который будет становиться еще значительней благодаря доходам от арендаторов, возрастающей стоимости земли и умелому управлению. Человек толковый, деятельный, да притом богатый и с положением, он пользовался особым влиянием в семье, и хотя никто из родных не ставил это под сомнение, ему приятно было, когда это признавали вслух.

– Неужели ты хочешь сказать, что был бы доволен, если бы сын тоже стал агентом по продаже недвижимости?

– Мне это занятие подходит. Почему ж оно не подойдет ему? Никто не знает, к чему идет мир, и когда Чарли вырастет, может, он еще как будет рад тепленькому местечку на тысячу в год. Но хозяин, разумеется, ты.

Сэр Уилфрид повел рукой, давая понять, что скромность не позволяет ему согласиться с такой своей ролью.

– Я такой же акционер, как и все вы, но что до меня, если ты хочешь, чтобы сын занял твое место, пускай займет. Все это, разумеется, еще не скоро, к тому времени я уже могу умереть.

– В нашей семье живут долго, ты проживешь не меньше Сайберта. Во всяком случае, будет неплохо, если ты дашь понять остальным, что это дело решенное: когда я отойду от дел, мое место займет мой сын.

Чтобы расширить кругозор детей, супруги Мейсоны проводили каникулы за границей – зимой там, где можно кататься на лыжах, а летом на морских курортах на юге Франции; и раза два они с той же похвальной целью совершали путешествия в Италию и в Голландию. Когда Чарли окончил школу, отец решил, что, прежде чем поступать в Кембридж, мальчику полезно пожить полгода в Туре, изучить французский. Но его пребывание в этом славном городе обернулось совершенно неожиданно и могло бы привести к катастрофе, – ибо, вернувшись, он объявил, что желает ехать не в Кембридж, а в Париж, хочет стать художником. Родители были ошеломлены. Они любили искусство, часто говорили, что оно занимает весьма важное место в их жизни; Лесли, временами не чуждый философических размышлений, склонен был думать, что только искусство придает смысл человеческому существованию, и с величайшим уважением относился к его творцам; но никогда он не мог себе представить, что кто-либо из его семьи, а тем более его родной сын, изберет путь столь неопределенный, необычный и в большинстве случаев отнюдь не доходный. Да и Винития не могла забыть судьбу своего отца. Было бы несправедливо сказать, что оттого, как серьезно, серьезнее, чем им хотелось бы, сын воспринял их увлеченность искусством, родители растерялись; они и вправду были серьезно увлечены, но как покровители, меценаты; хоть и приверженные богеме, они владели акциями Компании Мейсон, а это, как понятно каждому, ставило их совсем в другое положение. К словам Чарли они отнеслись вполне недвусмысленно, но сознавали, нелегко будет выразить это так, чтобы сын не счел их неискренними.

– Не понимаю, с чего ему это взбрело в голову, – сказал Лесли, обсуждая новость с женой.

– Я думаю, он это унаследовал. Все-таки мой отец был художник.

– Он занимался живописью, дорогая. Он был истинный джентльмен и поразительный рассказчик, но ни один разумный человек не назвал бы его художником.

Винития вспыхнула, и Лесли почувствовал, что обидел ее. И поспешил исправить свою оплошность.

– Если он унаследовал призвание к искусству, то куда скорей от моей бабки. Помню, старик Сайберт говаривал: тот не знает вкуса рубца с луком, кто не отведал бабкиной стряпни. Когда она ушла из кухарок и стала женой садовника, мир потерял замечательную мастерицу своего дела.

Винития прыснула и простила его.

Слишком хорошо они друг друга знали, им не требовалось обсуждать возникающие недоумения. Дети любили их и смотрели на них снизу вверх; и супруги согласились, что было бы безмерно жаль каким-нибудь неверным шагом поколебать веру Чарли в мудрость и честность родителей. Молодые нетерпимы, скажи им то, что диктует здравый смысл, они тут же сочтут тебя старым обманщиком.

– По-моему, не стоит запрещать ему это слишком решительно, – сказала Винития. – Он только заупрямится.

– Тут поначалу требуется осмотрительность. Не спору.

Положение осложнялось еще тем, что Чарли привез из Тура несколько полотен и, когда показал их, родители отзывались о них в таких выражениях, которые теперь было бы трудно взять обратно. Они хвалили его работы не как знатоки, а как любящие родители.

– Может быть, тебе стоило бы как-нибудь утром позвать Чарли в кладовку, и пускай посмотрит полотна твоего отца. Ничего не навязывай, лучше, чтоб это получилось будто невзначай. А я при случае с ним поговорю.

Случай представился. Лесли сидел в малой гостиной, которую они отвели детям, чтобы те свободно ею располагали. На стенах красовались репродукции Гогена и Ван Гога, которые прежде украшали детскую. Чарли писал пестрый букет в зеленой вазе.

– По-моему, лучше вставить в рамы картины, что ты привез из Франции, и повесить их вместо этих репродукций. Давай-ка еще разок на них взглянем.

На одной из них были изображены три яблока на белой с синим тарелке.

– По-моему, она очень хороша, – сказал Лесли. – Я видел сотни картин с тремя яблоками на белой с синим тарелке, твоя им не уступит. – Он усмехнулся. – Бедняга Сезанн, интересно, что бы он сказал, знай он, сколько тысяч раз люди писали эту его картину.

Был и еще один натюрморт – бутылка красного вина, пачка французского табака в синей обертке, пара белых перчаток, сложенная газета и скрипка. Все эти предметы лежали на столе, покрытом скатертью в белую и зеленую клетку.

– Очень хорош. Многообещающая работа.

– Ты правда так думаешь, папа?

– Ну конечно. Видишь ли, работа не сказать чтоб оригинальная, у агентов по продаже картин таких на складе десятки, но ведь ты в жизни не взял ни единого урока, и работа поистине делает тебе честь. Ты, видно, отчасти унаследовал талант дедушки. Ты его картины видел, нет?!

– Я много лет их не видел. А тут мама что-то искала в кладовке и показала их мне. Страх и ужас.

– По-моему, тоже. Но в его время их воспринимали иначе. Их вовсю расхваливали и покупали. Вот и множество вещей, которыми мы сейчас восхищаемся, через пятьдесят лет будут казаться ужасными. Это самое страшное в искусстве – в нем нет места посредственности.

– Но ведь пока не попробуешь, не поймешь, кто ты.

– Разумеется, и если ты хочешь профессионально заняться живописью, кому-кому, а уж не нам с матерью становиться тебе поперек дороги. Сам знаешь, как много для нас значит искусство.

– Мне больше всего на свете хотелось бы заниматься живописью.

– Если жить скромно, при той доле Компании Мейсон, которая тебе отойдет, тебе всегда хватит. И я знаю любителей, которые создали себе вполне милое и негромкое имя.

– Но я вовсе не желаю быть любителем.

– Но с твоей тысячей-полутора в год вряд ли можно достичь большего. Не скрою, я буду несколько разочарован. Я держал для тебя место секретаря Компании, но кое-кто из твоих кузенов с радостью за него ухватится. Я-то полагал, что лучше быть умелым и знающим дельцом, чем посредственным художником, но это так, к слову. Главное, чтоб ты был счастлив, и нам остается только надеяться, что из тебя выйдет лучший художник, чем из твоего деда.

Они помолчали. Добрый взгляд Лесли был устремлен на сына.

– Только об одном я хотел бы тебя попросить. Мой дед поначалу был садовником, а его жена кухаркой. Я его едва помню, но, сдается мне, он был человек достойный, но грубоватый, неотесанный. Говорят, джентльменом можно стать лишь в третьем поколении, и во всяком случае я не ем горошек с ножа. Ты – четвертое поколение. Можешь считать меня снобом, но не улыбается мне мысль, что ты спустишься по общественной лестнице. Я бы хотел, чтобы

ты поступил в Кембридж, получил степень, а потом, если захочешь поехать в Париж изучать живопись, езжай с Богом.

Предложение отца показалось Чарли поистине великодушным, и он с благодарностью его принял. В Кембридже он наслаждался вволю. Ему не часто выпадал случай заняться живописью, но он вошел в круг людей, увлекающихся театром, и на первом курсе написал несколько одноактных пьес. Их поставили в Любительском театральном клубе, и Мейсоны-родители приехали в Кембридж их посмотреть. Потом Чарли свел знакомство с одним преподавателем, выдающимся музыкантом. Чарли играл на фортепьяно лучше большинства студентов, и они вместе исполняли дуэты. Он изучал гармонию и контрапункт. Поразмыслив, он решил, что лучше ему стать не художником, а музыкантом. Лесли Мейсон весьма добродушно на это согласился, но когда Чарли получил степень, отец на две недели повез его в Норвегию поудить рыбу. Дня за три до их возвращения Винития получила от мужа телеграмму, состоящую из одного-единственного слова – «Эврика». При всей их образованности ни он, ни она не знали, что это значит, но смысл его получателнице был совершенно ясен, а ведь для того и служат слова. Она вздохнула с облегчением. В сентябре Чарли на четыре месяца поступил в бухгалтерскую фирму, услугами которой пользовалась Компания Мейсон, стал учиться основам делопроизводства и в новом году присоединился к отцу.

Чтобы поощрить усердие, с каким сын работал первый год в Компании, Лесли и посылал его теперь в Париж порезвиться, снабдив двадцатью пятью фунтами. И уж Чарли намерен был порезвиться вволю.

2

Они уже почти приехали. Служители подносили багаж поближе к выходу, чтобы удобнее было передать его носильщикам. Дамы делали последний мазок губной помадой, и им подавали меховые манто. Мужчины влезали в зимние пальто, нахлобучивали шапки. Близость, в которой все они просидели несколько часов, приятное тепло комфортабельного купе превратили их в некое содружество, отделило пассажиров пульмановского вагона с его особым номером от пассажиров всех остальных вагонов; но теперь общность распалась, и каждый человек или каждые двое-трое вновь обрели свое особое лицо, которое на время слилось со всеми остальными. В дымном воздухе, сдобренном запахом застоявшегося табака, резких духов, человеческого тела, в духоте парового отопления каждый вдруг напустил на себя некую загадочность. Вновь чужие, они смотрели друг на друга озабоченными невидящими глазами. Каждый ощущал смутную враждебность к соседу. Кое-кто уже выстраивался в очередь в коридоре, желая побыстрее выйти. От тепла в вагоне окна запотели, Чарли протер небольшой просвет и глянул за окно. Ничего он не увидел.

Поезд вкатил под своды вокзала. Чарли отдал саквояж носильщику и большими шагами зашагал по перрону; он надеялся, что его встретит его друг Саймон Фенимор. И огорчился, не увидев его у вагона; но у контрольного барьера толпился народ, и Чарли подумал, что Саймон ждет его там. Нетерпеливо, испытующе оглядел оживленные нетерпеливым ожиданием лица; прошел сквозь толпу; встречающие протягивали руки прибывшим; целовались женщины; его друга не было. Чарли так был уверен, что тот здесь, даже чуть замешкался, но носильщик явно спешил, и Чарли последовал за ним во двор. Он был несколько обескуражен. Носильщик взял ему такси, и Чарли назвал шоферу гостиницу, в которой Саймон заказал для него номер. Приезжая в Париж, Мейсоны всегда останавливались в гостинице на рю Сент-Оноре. Ее постояльцами были исключительно американцы и англичане, но через двадцать лет Мейсоны все тешили себя иллюзией, будто это они ее отыскивали, настоящую французскую гостиницу, и когда видели на лестничной площадке американский багаж или поднимались в лифте с людьми, которые могли быть только англичанами, они не переставали удивляться.

– Интересно, их-то как сюда занесло? – говорили Мейсоны.

Сами они были осмотрительны, никогда не называли эту гостиницу своим друзьям; они набрали на уголок старой Франции и не собирались рисковать, не желали, чтоб его испортили. Хотя директор и портье свободно говорили по-английски, Мейсоны объяснялись с ними на своем прихрамывающем французском, уверенные, что только французский те и знают. Но, отправляясь в Париж один, Чарли решил не останавливаться в этой гостинице уже хотя бы потому, что столько раз бывал в ней со всем семейством. Он ехал в поисках приключений, и почтенная семейная гостиница, где, по словам родителей, останавливались одни лишь французские аристократы из провинции, вряд ли подходила для восхитительных, необузданных и романтических походов, что проносились в его воображении последний месяц. Вот он и написал Саймону и попросил найти ему комнату где-нибудь в Латинском квартале; что касается удобств, он был непривередлив и о чистоте не очень беспокоился, была бы там подходящая атмосфера; и в должный срок Саймон написал ему, что заказал номер в гостинице близ вокзала Монпарнас. Она была расположена на тихой улочке чуть в стороне от рю де Ренн и в удобной близости от улицы Кампань премьер, где жил он сам.

Чарли быстро справился с разочарованием от того, что Саймон его не встретил, – он не сомневался, что тот либо ждет его в гостинице, либо звонил, что будет с минуты на минуту, – и, пока ехал по людным улицам, ведущим от Gare du Nord к Сене, настроение у него улучшилось. Приехать в Париж вечером – это же замечательно. Моросит дождик, и улицы кажутся волнующе таинственными. Магазины ярко освещены. По тротуарам движется великое множе-

ство зонтов, с них капает вода, поблескивает в свете фонарей. Чарли вспомнилась одна из картин Ренуара. Время от времени налетает порыв ветра, и женщины съезжаются под зонтами, юбки закручиваются вокруг ног. По благоразумным английским представлениям такси мчится с неистовой скоростью, и всякий раз, как, стараясь избежать столкновения, шофер вдруг нажимает на тормоза, у Чарли перехватывает дыхание. Красный свет задержал их на перекрестке, и в обе стороны хлынул поток людей, будто перепуганные толпы, убегающие от теснящей их полиции. Взволнованному взгляду Чарли они казались совсем не похожими на английских пешеходов – живее, нетерпеливей; когда взгляд его случайно упал на девушку, которая шла сама по себе, швею ли, машинистку, возвращавшуюся со службы, он с удовольствием представил, что она спешит на свидание с любовником; а когда увидел парочку, идущую под руку под одним зонтом, – бородатого молодого человека в широкополой шляпе и девушку с мехом вокруг шеи, идущих так, словно быть вместе такое блаженство, что и дождь им нипочем, и толчею они не замечают, – его пронизала острая радость сопереживания. На одном углу из-за пробки его такси оказалось бок о бок с роскошным лимузином. В нем сидела женщина в собольем мантио, нарумяненная, губы накрашены, профиль безупречнейший. Она вполне могла быть герцогиней Германт, что возвращается со званого чаепития к себе домой на бульвар Сен-Жермен. Замечательно, что ему двадцать три и он самостоятельно в Париже.

– Ох и проведу же я времечко!

Гостиница оказалась шикарней, чем он ожидал. Ее пышный фасад наводил на мысль об изысканном вкусе покойного барона Хаусмана. Оказалось, комната для него заказана, но ни письма Саймон ему не оставил, ни на словах ничего не передал. И наверх его провел не плохо выбритый мрачноватый тип в стоптанных башмаках и грязном фартуке, но любезный администратор в визитке, прекрасно говорящий по-английски. Просто обставленная комната отличалась чистотой, и в ней было две кровати, но администратор заверил Чарли, что будет брать с него только за одну. И с гордостью показал ему прилегающую к номеру ванную комнату. Когда тот ушел, Чарли огляделся. Он ожидал, что комната будет небольшая, с тяжелыми блеклыми репсовыми гардинами, с деревянной кроватью, большущим пуховым стеганым одеялом и со старым зеркальным шкафом красного дерева; он ожидал найти на туалетном столике чьи-то шпильки, а в ящике тумбочки у кровати наполовину использованный тюбик губной помады и расческу со сломанными зубьями и застрявшими в ней крашеными волосками. Такой рисовалась в его романтическом воображении студенческая комната в Латинском квартале. Ванная! Вот уж чего он никак не ожидал. Такая комната могла быть в одной из тех недорогих гостиниц в Швейцарии, где он бывал с родителями. Чистая, давно не отремонтированная и убогая. Даже при своем пылком воображении Чарли не находил в ней ничего таинственного. Уныло распаковал он свой саквояж. Принял ванну. И подумал, ну что за необязательность, ведь даже если Саймон не побеспокоился его встретить, мог бы оставить записку. Если он так и не подаст признаков жизни, придется обедать в одиночестве. Отец, мать и Пэтси уже, наверно, приехали в Годэлминг; там будет весело, соберутся два сына сэра Уилфрида с женами и две племянницы леди Терри-Мейсон. Будет музыка, игры, танцы. Чарли даже пожалел было, что ухватился за предложение отца провести каникулы в Париже. Вдруг ему подумалось, что Саймону, возможно, неожиданно пришлось поехать по делам газеты и в спешке он забыл его известить. Вот беда...

Саймон Фенимор был самым давним другом Чарли, и чтобы провести с ним несколько дней, Чарли так рвался в Париж. Они учились в одной частной школе, вместе были и в Рагби, и в Кембридже тоже, но оттуда Саймон ушел не доучившись, даже не закончил второй курс, решил, что зря теряет время; и не кто иной, как отец Чарли, устроил его в одну лондонскую газету, парижским корреспондентом которой он и был этот последний год. Не было у Саймона никого на свете. Отец его служил в Индии в Лесном управлении и, когда Саймон был еще совсем малыш, развелся с его матерью, которая ему изменяла. Она уехала из Индии, а Сай-

мона, которого суд оставил на попечении отца, тот отправил в Англию в семейство некоего священника, где ему предстояло жить до поступления в школу. Мать как сквозь землю провалилась. Саймон не знал, жива она или умерла. Отец умер от цирроза печени, когда мальчику было двенадцать, и он лишь смутно помнил молчаливого, сухощавого, хрупкого человека с болезненным, морщинистым лицом. Оставленных им денег только и хватило, что на образование сына. Одиночество мальчика тронуло чету Мейсон, и они взяли за правило приглашать его чуть не на каждые каникулы. Мальчишкой он был долговязый, тощий, черные глаза на бледном лице казались огромными, копна прямых темных волос вечно нечесана, рот большой, чувственный. Он был разговорчив, не по годам развит, начитан и умен. У него и в помине не было застенчивости, что так привлекала в Чарли. Винития Мейсон не могла его полюбить, хотя по чувству долга и старалась изо всех сил. Она никак не могла взять в толк, почему сын привязался к Саймону, который так на него не похож. Ведь этот Саймон такой самодовольный, он нечувствителен к доброте, и что для него ни делаешь, принимает это как само собой разумеющееся. Похоже, он не очень-то высокого мнения и о ней и о Лесли. Иной раз, когда Лесли толково, с присущим ему здравым смыслом говорил о чем-то интересном, в больших черных глазах Саймона, обращенных к нему, мелькала насмешка, а чувственные губы язвительно морщились. Можно было подумать, будто Лесли скучен и туповат. Время от времени, в какой-нибудь из их милых мирных вечеров, когда все были дома и болтали о том о сем, Саймон впадал в мрачное раздумье – сидел, уставясь в пустоту, словно мысли его далеко отсюда, и случалось, чуть погода брал какую-нибудь книгу и принимался читать, как если бы никого тут кроме него не было. Будто беседу их и слушать не стоит. Это было просто даже невежливо. Но Винития Мейсон укоряла себя.

– Бедный малыш, где ж ему было научиться хорошим манерам. Я непременно буду очень хорошо с ним обходиться. Непременно его полюблю.

Ее взгляд покоился на Чарли – такой он красивый, тоненький («а как быстро он из всего вырастает, рукава смокинга уже коротки»), каштановые волосы выются, глаза синие, длинные ресницы и такая чистая кожа. Хоть он, быть может, и не блистает, как Саймон, но он способный и до кончиков пальцев артистичен. Но как знать, каким бы он стал, если бы она сбежала от Лесли и Лесли стал бы пить, и вместо того, чтобы наслаждаться утонченной атмосферой славного дома, ощущать ее благотворное влияние, он, как Саймон, вынужден был бы заботиться о себе сам? Бедняжка Саймон! На другой день она пошла и купила ему полдюжины галстуков. Он, кажется, обрадовался.

– До чего мило с вашей стороны. У меня в жизни не было больше двух галстуков сразу.

Винития так была растрогана собственной неожиданной щедростью, ее даже обдало волной сочувствия.

– Какой же ты одинокий, бедняжка! – воскликнула она. – Так ужасно, что у тебя нет родителей.

– Ну, поскольку моя мать была шлюха, а отец пьяница, смею сказать, я не очень по ним тоскую.

В семнадцать лет это было сказано.

Ну что поделаешь, не могла Винития его полюбить. Уж очень он резкий, циничный, бессовестный. Ее выводило из себя, что Чарли так им восхищается; Чарли считал, что у него выдающийся ум и его ждет блестящее будущее. Даже Лесли поражался его начитанностью и тем, с какой ясностью он совсем еще мальчишкой выражал свои мысли. В школе он уже был горячим сторонником социализма, а в Кембридже стал коммунистом. Лесли слушал его нелепые теории с добродушной терпимостью. По его мнению, то были всего-навсего слова, а слова – они слова и есть; самого существа жизни они не задевали.

– И если он и в самом деле станет известным журналистом или войдет в парламент, что ж, совсем не вредно иметь друга во вражеском стане.

Лесли придерживался либеральных взглядов, весьма либеральных, даже не прочь был признать, что против иных убеждений социалистов не станет возражать ни один здравомыслящий человек; теоретически он и сам был за национализацию шахт, полагал также, что государство может управлять коммунальным обслуживанием не хуже частных компаний; но считал, что тут не следует заходить слишком далеко. К примеру, земельная рента – это уж никак не дело государства; или трущобы – в больших городах без них никак не обойтись, низшие классы, в сущности, предпочитают их образцовым жилым домам – Компания Мейсон чего тут только не делала; но не может землевладелец позволить, чтоб в его домах жили бесплатно, он должен получать приличный доход со своего капитала, это только справедливо.

Саймон Фенимор решил, что несколько лет ему следует поработать иностранным корреспондентом, – он научится разбираться в политике европейских стран и, когда войдет в палату общин, будет уже знатоком, а ведь большинство лейбористов ничего в ней не смыслят; но когда Лесли повел его к владельцу газеты, который готов был предоставить блестящему молодому человеку эту возможность, он предупредил Саймона, что владелец газеты человек очень богатый, и если показать ему свои революционные пристрастия, нечего надеяться произвести на него благоприятное впечатление. Однако своими скромными манерами, исходящей от него энергией и непринужденным разговором Саймон произвел на магната наилучшее впечатление.

– Он прекрасно держался, – говорил потом Лесли жене. – У этого молодца хорошая голова на плечах. Я всегда тебе говорил, слова еще ничего не значат. Когда дело доходит до получения места и приличного заработка, он, как всякий разумный человек, готов забыть о своих теориях.

Винития с ним согласилась. Что ж, вполне возможно, тому пример их собственный опыт – они по-настоящему любят красоту и в то же время прекрасно понимают, как важна материальная обеспеченность. Взять хотя бы Лоренцо Медичи – он был преуспевающий банкир и до кончиков ногтей художник. Как это хорошо со стороны Лесли, что он так старается оказать услугу человеку, от которого нечего ждать благодарности, думала Винития. Во всяком случае, работа, полученная Саймоном, потребует его пребывания в Вене, и тем самым Чарли будет избавлен от влияния, которое всегда ее беспокоило. Именно из-за нелепых разговоров Саймона Чарли забрал себе в голову, что хочет быть художником. Это все прекрасно для Саймона, ведь у него ни денег, ни родства, а для Чарли подготовлено тепленькое местечко. Художников и без него хватает. Чарли так чист душой, такой у него прелестный характер, не поддается он никакому дурному влиянию, – только это ее и утешало.

В эти самые минуты Чарли в полном одиночестве одевался, недоумевая, как же ему провести вечер. Он надел брюки, позвонил в редакцию газеты, где работал Саймон, и сам Саймон ему и ответил.

– Саймон.

– Привет, уже приехал? Ты где?

Так он небрежно разговаривал, Чарли просто опешил.

– В гостинице.

– А, вот как? Нынче вечером занят?

– Нет.

– Тогда давай пообедаем вместе, согласен? Я за тобой зайду.

И повесил трубку. Чарли был подавлен. Он-то ждал, что Саймону так же не терпится увидеться, как и ему, но по словам Саймона, по его тону можно было подумать, будто они только случайные знакомые и тому решительно все равно, встретятся они или нет. Конечно, они не виделись уже два года, и за это время Саймон мог измениться до неузнаваемости. Чарли вдруг испугался, как бы поездка в Париж не оказалась неудачной, и так волновался, ожидая Саймона, что его даже досада взяла. Но когда тот наконец вошел в комнату, Чарли увидел, что внешне он во всяком случае остался почти таким, как был. Сейчас, в двадцать три года, он был

тощий и так и остался среднего роста. Одет убого, в коричневой тужурке и серых фланелевых брюках, без пальто, без шляпы. Длинное лицо похудело и побледнело, и черные глаза казались еще больше. Ни минуты не были они в покое. Холодные, блестящие, пытливые, подозрительные, они словно выражали характер таящегося за ними интеллекта. Рот большой, насмешливый и мелкие неровные зубы, напоминающие какого-нибудь мелкого хищного зверька. Со своим острым подбородком и выдающимися скулами он отнюдь не хорош собой, но лицо такое нервное, такое странно тревожное, что невольно привлечет внимание любого встречного. В иные мгновения была в нем своего рода мучительная красота, не красота черт, но красота беспокойного, чего-то взыскующего духа. Тревожное чувство вызывала его улыбка, в ней не было веселья, она походила скорей на язвительную гримасу, а когда он смеялся, лицо страдальчески искажалось, словно от острой боли. Голос был высокий и, казалось, не вполне ему подчинялся, а в минуты волнения нередко становился визгливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.